

ПРОЛОГ

«Я пишу это по просьбе моего адвоката, мистера Эндрю Синклера. С тех пор как меня заключили в тюрьму в Инвернессе, он обращается со мной с любезностью, которой я никоим образом не заслуживаю. Моя жизнь была короткой и малозначительной, и я не испытываю желания избавиться от ответственности за недавно совершенные мною дела. Поэтому веряю эти слова бумаге лишь для того, чтобы отблагодарить моего адвоката за его доброту».

Так начинаются воспоминания Родрика Макрея, семнадцатилетнего фермера-арендатора, которому было предъявлено обвинение в тройном зверском убийстве, совершенном в его родной деревне Калдуи в Росшире утром 10 августа 1869 года.

В мои намерения не входит слишком задерживать читателя, но несколько вступительных слов могут набросать фон для собранных здесь материалов. Читатели, предпочитающие немедленно перейти к самим документам, конечно, вольны так и поступить.

Весной 2014 года я взялся за исследовательский проект, чтобы узнать что-нибудь о своем дедушке, Дональде «Бродяге» Макрее, родившемся в 1890 году в Эпплкроссе, в двух милях к северу от Калдуи. Во время работы в Хайлендском архивном центре в Инвернессе я наткнулся на газетные вырезки, в которых описывался суд над Родриком Макреем, и с помощью Энн О'Ханлон,

тамошней архивистки, нашел рукопись, и составляющую бóльшую часть этой книги.

По-моему, воспоминания Родрика Макрея — замечательный документ. Родрик написал их, находясь в заключении в ожидании суда в замке Инвернесс между 17 августа и 5 сентября 1869 года. Именно воспоминания, а не сами убийства превратили это дело в громкий судебный процесс. Воспоминания — или, по крайней мере, самая сенсационная их часть — были позже напечатаны в бесчисленных брошюрках и дешевых приключенческих журналах и вызвали огромную полемику.

Многие, особенно литераторы Эдинбурга, сомневались в подлинности этих мемуаров. Записки Родрика оживили память о скандале с Оссианом на исходе XVIII века, когда Джеймс Макферсон заявил, что обнаружил и перевел великую эпическую поэму этого кельтского барда. Оссиан быстро приобрел статус классика европейской литературы, но позже выяснилось, что переводы — фальшивка. Кэмпбелл Бэлфур писал в «Эдинбург ревью»¹: «Совершенно невысказано, чтобы полуграмотный крестьянин смог сочинить такой длинный и красноречивый текст... Эта работа — мистификация, и те, кто превозносят самого безжалостного убийцу как некоего благородного дикаря, в свое время будут краснеть от стыда»².

Для других людей и убийства, и мемуары послужили подтверждением «ужасного варварства, продолжающего процветать в северных районах нашей страны; варварства, не искорененного, несмотря на все усилия нашего

¹ «Эдинбург ревью» — ежеквартальный литературно-публицистический журнал, издававшийся в г. Эдинбурге с 1802 по 1929 год. — *Прим. пер.*

² К. Бэлфур «Оссиан нашего столетия», «Эдинбург ревью», октябрь 1869 года, № CCLXVI. — *Прим. авт.*

верного долгу пресвитерия¹ и огромные усовершенствования² минувших десятилетий»³.

Однако для третьих события, описанные в воспоминаниях, говорят о несправедливости феодальных условий, в которых продолжал трудиться фермер-арендатор Хайленда. Стараясь не оправдывать поступков Родрика Макрея, Джон Мёрдок, позже основавший радикальную газету «Горец», увидел в нем «человека, которого столкнула на грань безумия — и дальше — жестокая система, превращающая в рабов людей, всего лишь желающих зарабатывать на жизнь честным трудом на арендуемом клочке земли»⁴.

Что касается вопроса о подлинности документа, то спустя полтора века после написания уже невозможно дать на него точный ответ. Без сомнения, удивительно, что некто в столь юном возрасте смог написать такой красноречивый отчет. Однако мнение, что Родрик Макрей был «полуобразованным крестьянином», — плод предубеждения, продолжавшего бытовать к северу от богатых городов Центрального Пояса⁵. Судя по официальным документам 1860-х годов, в начальной школе соседнего Локкаррона детям преподавали латынь, греческий и естественные науки. Родрик мог получить та-

¹ Пресвитерий — орган регионального управления в пресвитерианской церкви. — *Прим. пер.*

² Имеется в виду депортация шотландских горцев. — *Прим. авт.* В результате принудительного переселения жителей Шотландского высокогорья в XVIII и XIX веках произошло разрушение традиционной клановой системы шотландцев и массовая миграция на побережье моря, Шотландские низины, в Америку и Канаду. — *Прим. пер.*

³ Передовица в «Шотландце», 17 сентября 1869 года — *Прим. авт.*

⁴ Дж. Мёрдок «Что мы можем извлечь из этого случая», «Инвернесский курьер», 14 сентября 1869 года — *Прим. авт.*

⁵ Центальный Пояс Шотландии — узкий участок между заливами Фёрт-оф-Клайд и Фёрт-оф-Форт, самое густонаселенное место Шотландии. — *Прим. пер.*

кое же образование в своей школе в Камустерраче, и его воспоминания подтверждают и этот факт, и то, что он был удивительно одаренным учеником.

Однако то, что Родрик *мог* написать воспоминания, конечно, не доказывает, что он и вправду их написал. Тут мы имеем дело со свидетельством психиатра Джеймса Брюса Томсона, в чьих личных мемуарах рассказывается, что он видел этот документ в камере Родрика. Скептики могли утверждать (и утверждали), будто Томсон никогда не наблюдал, как Макрей что-то пишет, и следует признать: будь мемуары предъявлены современному суду, цепочку доказательств не удалось бы досконально проверить. Нельзя полностью отбросить теорию, согласно которой мемуары на самом деле были написаны другой рукой (главным подозреваемым является адвокат Родрика, Эндрю Синклер); но чтобы в такое поверить, требуется запутанное мышление самых эксцентричных сторонников теории заговора.

И существует ведь сам документ, в изобилии содержащий такие детали, что маловероятно, чтобы его написал не уроженец Калдуи. К тому же отчет Родрика о событиях, которые привели к убийствам, почти полностью (за незначительными исключениями) совпадает с показаниями других свидетелей на суде.

Приняв во внимание эти факты и лично изучив рукопись, я не сомневаюсь в ее подлинности.

В придачу к отчету Родрика Макрея в книгу включены также показания, которые дали полиции различные жители Калдуи, отчеты о вскрытии тел жертв и, наверное, самое увлекательное — выдержки из мемуаров Дж. Брюса Томсона «Путешествия по пограничным землям безумия»: в них мистер Томсон рассказывает, как осматривал Родрика Макрея и как посетил Калдуи вместе с Эндрю Синклером. Томсон был штатным

врачом в общей тюрьме Шотландии в городе Перт, где содержались те, кто, как считалось, не могли предстать перед судом в силу своей невменяемости.

Воспользовавшись возможностями своей должности, мистер Томсон опубликовал в журнале «Психиатрия»¹ две ставшие авторитетными статьи — «Наследственная природа преступления» и «Психология преступников». Он был очень сведущ в новой теории эволюции и только зарождавшейся тогда дисциплине криминальной антропологии, и хотя некоторые из его взглядов могут оттолкнуть современного читателя, следует принять во внимание обстановку, в которой они писались, и то, что они представляли собой искреннюю попытку продвигнуться дальше теологических представлений о преступности и лучше понять, почему определенные личности доходят до совершения жестоких преступлений.

И, наконец, я включил в повествование рассказ о судебном процессе, взятый из тогдашних газет и из книги «Полный отчет о суде над Родриком Джоном Макреем», опубликованный Уильямом Кэем из Эдинбурга в октябре 1869 года.

Почти полтора столетия спустя невозможно узнать правду о рассказанных здесь событиях. В представленных в книге отчетах имеются различные противоречия, расхождения и пробелы, но, вместе взятые, они ткнут ткань одного из самых захватывающих дел в юридической истории Шотландии. Само собой, я составил свое мнение об этом деле, но предоставляю читателю прийти к собственным умозаключениям.

¹ Журнал был основан в 1853 году под названием «Психиатрическая лечебница» («Asylum»), с 1858 до 1963 года выпускался под названием «Психиатрия», теперь называется «Британский психиатрический журнал». Издается ежемесячно Королевским колледжем психиатров. — *Прим. пер.*

Примечания к тексту

Насколько мне удалось выяснить, мемуары Родрика Макрея публикуются целиком впервые. Несмотря на возраст рукописи и на то, что многие годы хранилась не слишком бережно, она удивительно хорошо сохранилась. Написанная на отдельных листах бумаги, позже эта рукопись была переплетена кожаными шнурками, о чем свидетельствует то, что внутренние края страниц иногда трудно прочесть из-за переплета. Почерк замечательно четкий, и лишь изредка встречаются зачеркивания и неудачные начала.

Готовя документ к публикации, я все время стремился быть верным смыслу рукописи. Ни на одном этапе я не пытался «улучшить» текст или исправить неуклюжий оборот или синтаксис. Такие вмешательства, полагаю, лишь породили бы сомнения в подлинности этого рассказа, поэтому в книге представлен, насколько возможно, труд самого Родрика Макрея.

Стоит также обратить внимание, что в воспоминаниях в равной степени используются и настоящие имена, и прозвища: Лаклан Маккензи, например, по большей части упоминается как Лаклан Брод¹. Прозвища все еще общеприняты в Шотландском высокогорье (по крайней мере, среди людей старшего поколения); вероятно, это способ провести различия между разными ветвями наиболее широко распространенных фамилий. Обычно клички основаны на профессиях или на странностях человека, но могут также передаваться из поколения в поколение до тех пор, пока происхождение прозвища не становится загадкой даже для того, кого теперь так называют.

¹ Брод (*англ.* broad) — «широкий», а кроме того, «грубый». — *Прим. пер.*

По большей части я ограничивал свое редакторское вмешательство пунктуацией и разбиением на параграфы. В рукописи параграфов почти нет, за исключением тех случаев, когда Родрик, возможно, откладывал перо до следующего дня, и я решил ввести их, чтобы легче было читать. Также в рукописи почти нет знаков препинания, а имеющиеся расставлены как попало. Таким образом, пунктуация по большей части — моя, но опять-таки главным принципом оставалась верность оригиналу. Если мои суждения в этом отношении кажутся сомнительными, я могу лишь посоветовать читателю свериться с рукописью, которая до сих пор хранится в архиве Инвернесса.

Г.М.Б., июль 2015 г

ПОКАЗАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАЛДУИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ,
СОБРАННЫЕ ОФИЦЕРОМ УИЛЬЯМОМ МАКЛАУДОМ
ИЗ ПОЛИЦИИ УЭСТЕР-РОССА, ДИНГУОЛЛ,
12 И 13 АВГУСТА 1869 ГОДА

*Показания миссис Кармины Мёрчисон (Кармины Смок)¹,
жительницы Калдуи, 12 августа 1869 года*

Я знаю Родрика Макрея с его раннего детства. В общем, он казался славным ребенком, а после — учтивым и любезным молодым человеком. По-моему, на него сильно подействовала смерть матери, женщины очаровательной и общительной. Не хочется говорить дурно о его отце, но Джон Макрей — неприятный человек, обращавшийся с Родриком с такой суровостью, какой, по-моему, не заслуживает ни один ребенок.

В то утро, когда произошли ужасные события, я заговорила с Родди, проходившим мимо нашего дома. Не могу припомнить, о чем именно мы говорили, но

¹ Смок (англ. smoke) — «дым» и «курить». — *Прим. пер.*

он точно сказал, что идет работать на земле, принадлежащей Лаклану Маккензи. Он нес инструменты — насколько я поняла, предназначенные для этой работы. В придачу мы обменялись замечаниями о погоде; утро было солнечным и прекрасным. Родрик казался совершенно разумным и не выказывал никакой тревоги.

Некоторое время спустя я увидела, что Родди идет по деревне назад. Он был в крови с головы до ног, и я побежала к нему от порога своего дома, подумав, что с ним произошел несчастный случай. Когда я приблизилась, он остановился, и из руки его выпал инструмент. Я спросила, что случилось, и он без запинки ответил, что убил Лаклана Брода. Он говорил как будто совершенно здраво и не пытался зашагать дальше. Я крикнула своей старшей дочери, чтобы та привела отца, работавшего в сарае за нашим домом. Увидев, что Родди весь в крови, дочь завопила, и тогда другие жители деревни подошли к своим дверям, а трудившиеся в полях подняли головы, бросив работу.

Вскоре начался всеобщий переполох.

Признаю, в тот момент моим первым порывом было защитить Родди от родственников Лаклана Маккензи, поэтому когда появился мой муж, я, не сказав ему о том, что случилось, попросила увести Родди в наш дом.

Родди уселся за стол и спокойно повторил, что он сделал. Муж послал дочь привести соседа, Дункана Грегора, чтобы тот постоял на страже, а сам побежал в дом Лаклана Маккензи, где обнаружил ужасную сцену...

*Показания мистера Кеннета Мёрчисона
(Кенни Смока), каменщика, жителя Калдуи,
12 августа 1869 года*

Тем утром я работал в сарае позади своего дома, когда услышал, что в деревне поднялся шум и гам. Я вышел из мастерской и встретил свою старшую дочь, которая

была крайне расстроена и не смогла как следует объяснить мне, что же произошло. Я побежал туда, где рядом с нашим домом собрались люди. Среди всей этой неразберихи мы с женой отвели Родрика Макрея в дом, полагая, что он ранен из-за какого-то несчастного случая. Как только мы вошли, жена рассказала мне, что случилось, и, когда я спросил Родрика, правда ли это, тот совершенно спокойно подтвердил, что правда.

Тогда я побежал в дом Лаклана Маккензи и обнаружил там зрелище, слишком ужасное, чтобы его описать. Я закрыл за собой дверь и осмотрел тела — не теплится ли в них жизнь, — но жизни в них не было. Боясь, что дело закончится всеобщим побоищем, если родственники Лаклана Брода увидят эту сцену, я вышел и позвал мистера Грегора, чтобы тот постоял на страже у дома Маккензи.

Потом я побежал обратно к себе домой и отвел Родди в сарай, где и запер его. Он не сопротивлялся.

Мистер Грегор не смог помешать родственникам Лаклана Брода войти в дом и увидеть тела. К тому времени, как я запер Родди, они собрались жаждущей мести толпой, и мне не сразу удалось уговорить их уняться.

Что касается характера Родрика Макрея, он, несомненно, был чудаковатым мальчиком — не могу сказать, от рождения или из-за страданий, пережитых его семьей. Но свидетельства дела его рук не говорят о его здоровом рассудке.

*Показания преподобного Джеймса Гэлбрейта,
священника шотландской церкви Камустеррача,
13 августа 1869 года*

Боюсь, что недавно свершившиеся в приходе злые деяния представляют собой лишь бурлящую поверхность дикой, нетронутой цивилизацией жестокости тамошних обитателей; жестокости, которую церковь в последнее время успешно подавляла. История этих мест, говорят,